

ЛИТВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

Павел Лавринец

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Социально-исторические и политические контексты изображения древней Литвы и литовцев в русской литературе XIX в. заключаются в художественном освоении прошлого Литвы, после инкорпорация Великого княжества Литовского (ВКЛ) в состав Российской империи ставшего частью ее наследия, ее прошлого. Историко-литературные и эстетические контексты появления литовских мотивов в произведениях А. А. Бестужева-Марлинского, В. А. Жуковского, Н. В. Кукольника, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Огарева, А. С. Пушкина, К. Ф. Рыльева и других русских писателей первой половины XIX в.¹ определяются фундаментальными установками романтизма. Романтизм, отвергая современную унифицированную рационалистическую цивилизацию, обращался к яркому героическому прошлому с незаурядными характеристиками, к экзотической жизни народов, близких к природе, не испорченных цивилизацией, с необычными и странными нравами и ве-

рованиями. Большое влияние на появление и разработку литовских мотивов в русской литературе оказали русская историография, начиная с Н. М. Карамзина, и польская литература (А. Мицкевич, Ю. Словацкий, Ю. И. Крашевский, В. Сырокомля; позднее также Г. Сенкевич). Они же были двумя главными источниками исторических сведений и этнографического материала².

Смена доминирующей эстетической парадигмы в конце XIX в. и в начале XX в. вновь актуализировала экзотичную тематику. Космополитическая ориентация русского литературного модернизма вытекала из символистской утопии «хорового» творчества, общего дела, открытого всем и вбирающего в себя все. В культурной жизни символистской

¹ См.: П. Лавринец, «Литовцы и история Литвы в русской художественной литературе XIX – первой половины XX вв.», *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir paveldo „dalybos“*, sud. A. Bumblauskas, Š. Liekis, G. Potašenko, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2008 (*Lietuvos istorijos studijos*, t. 5), с. 393–414.

² См.: Р. Сидеравичюс, 1) «Литва и русский романтизм», *Литва литературная*, 1983, № 5 (32), с. 148–149; 2) «Русская литература в Литве и о Литве» (= „Rusų literatūra Lietuvoje ir apie Lietuvą“), *Русская литература в Литве: XIV–XX вв. Хрестоматия*, Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, с. 163–164; П. Лавринец, «Польская литература в творчестве В. А. фон Роткирха», *Literatūra*, 34 (1), 1996, с. 137–138; P. Lavrinec, “Die russische Literatur und der litauische Nationalismus”, *Literatur und nationale Identität III. Zur Literatur und Geschichte des 19. Jahrhundert im Ostseeraum: Finnland, Estland, Lettland, Litauen und Polen*, Y. Varpio – M. Zadencka (Hg.), Stockholm: 2000 (*Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia* 22), S. 249–252.

эпохи ослабела «такая разновидность социального самоопределения, как этнические перегородки», вместе с тем «в русском культурном сознании впервые с наивных времен романтизма» пробудилось «любопытство к многоэтничности состава населения Российской империи, которое непробудно спало в некрасовские времена»³. Симптоматично в этом отношении творчество К. Д. Бальмонта: при пестром многообразии его увлечений скандинавской литературой и Руставели, культурой майя и Древнего Египта литовские мотивы в поэзии Бальмонта возникли закономерно, – столь же закономерно, как и интерес к творчеству Мицкевича, Словацкого, Красиньского. Материал для первых своих переводов литовских народных песен поэт черпал из *Литвы* (1847) Крашевского, в стихотворениях на литовские темы воспроизводил мотивы, образы и общую стилистическую окраску поэзии Мицкевича; образ заgrabной горы Анафелиас, вероятно, восходит к произведениям Нарбута и Крашевского⁴.

Межвоенный период, когда создавались стихотворные произведения на литовские темы К. Д. Бальмонта, Е. Л. Шкляра и других авторов, роман С. Р. Минцлова о Витовте Великом *Орлиный взлет* (1931), отличается рядом особенностей общественно-политического контекста и связанных с ним обстоятельств литературного процесса. Это побуждает

³ Сергей С. Аверинцев, ««Ученики Саиса»: о самоопределении литературного субъекта в русском символизме», *Wiener Slawisches Jahrbuch*, 1997, Bd. 43, с. 14.

⁴ I. Vidugirytė, *Balmonto Lietuva. Kultūrų dialogo interpretacija*, Kaunas: Santara, 2005, p. 51–52, 55, 57.

ограничить материал данной работы произведениями, публиковавшимися с 1870-х гг. (хронологически более ранние тексты рассматриваются в другом исследовании, см. ниже) до Первой мировой войны. Задача работы заключается в выявлении существенных моментов сюжетов из литовской истории, важнейших компонентов изображения общества ВКЛ, ключевых деталей характеристик персонажей литовцев, с особым вниманием к этническим и профессиональным характеристикам ВКЛ, отношениям литовцев и русских (восточных славян), взаимоотношениям литовского язычества, восточного и западного христианства. Статья продолжает цикл работ, анализирующих конструирование образов средневековой Литвы и литовцев в произведениях русских писателей⁵, и исходит из методологических оснований, сформулированных в этих статьях. Произведения анализируются в хронологическом порядке, по датам публикаций; имена исторических персонажей и топонимы даются в тех формах, в которых они даны в рассматриваемых произведениях.

⁵ П. Лавринец, 1) «Литовцы и история Литвы в русской художественной литературе XIX – первой половины XX вв.», 2) «“С медвежьей кожей на плечах”: литовец в русской литературе», *Barbaras Europos literatūroje ir kultūroje. Barbarian in European Literature and Culture*, Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2008 (*Acta litteraria comparativa. Mokslo darbai*, 2008, 3), с. 159–172; 3) «Средневековая Литва в романе Г. А. Хрущова-Сокольниково *Грюнвальдский бой*», *Meninis tekstas: Suvokimas. Analizė. Interpretacija* Nr. 6 (1): *Mokslinių straipsnių rinkinys skirtas prof. Jurijaus Novikovo septyniadesimtmečiui*, Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2008, с. 107–113; P. Lavrinec, „Su lokena ant pečių“: lietuvis rusų literatūroje“, *Naujasis Židinys – Aidai*, 2008, nr. 3, p. 107–112.

В драме А. А. Навроцкого *Крещение Литвы* (1874) поворотный момент литовской истории изображается событием неизбежным, обусловленным объективным ходом вещей: Ягелло не видит другого способа обрести корону; любовь к христианину Конраду Ротенштейну заставляет дочь верховного жреца Пояту отказаться от прежней веры и бежать из отчего дома; вайделот Явнут, в котором Лиздейко видит своего преемника, тайне принял христианство, и литовцы-христиане есть в свите Ягелло и Гедвиги. С другой стороны, язычество для дружинника Вейдаутиса, Лиздейко, старого певца Наримунда – вера предков, которая помогала литовцам побеждать врагов, а Ягелло – изменник.

Фигура Ягелло, однако, рисуется противоречивой. На пиру в виленском замке он велел казнить Наримунда, отказавшегося петь по приказу «изменника богов». Но он же наливает вино в роговый кубок, потому что рог уничтожает колдовство и наговор на все вливаемые напитки; его позволение наливать вино, по желанию, в кубки или рога, выглядит проявлением своего рода толерантности. В финальной сцене Ягелло, не вняв увещаниям архиепископа Бодзанты, приказал похоронить последнего жреца, «хранителя нашей веры», по языческим обрядам⁶. В системе персонажей, структуре сюжетных функций и идеологической конструкции драмы выделяются Наримунд (певец – носитель традиционной культуры и нацио-

нального самосознания) и Поята (тип женского характера, в котором сила любовного чувства преодолевает традиционные культурно-бытовые ограничения и этноконфессиональные границы).

В исторической драме в стихах *Иезуиты в Литве* (1876) Навроцкого укрепление позиций католичества в правление Стефана Батория трактуется как удар по сложившемуся образу жизни с традиционной веротерпимостью. Козни «созданной адскою силою» дружины иезуитов, «невидимые стрелы которой были насквозь пропитаны смертоносным ядом», лежат в основе сюжета романа Вс. С. Соловьева *Княжна Острожская* (1876). Перипетии женитьбы племянницы Константина Острожского, едва не павшей жертвой иезуита Антонио Чеккино, живописуются на фоне конфессиональной борьбы. Православие борется с католичеством и остатками язычества, с арианством и евангелическо-реформатским исповеданием, распространяющимся при содействии знатнейших родов (Радзивиллы, Сапегги, Ходкевичи, Кишки, Вишневецкие, Пацы, Войны); с Реформацией и, в особенности, с православием ведет борьбу католическая церковь⁷. Литва изображается издревле православной Литовской Русью. Среди «славных и могучих вельмож» особенно выделяется Константин Острожский; имя его «возбуждало повсюду даже благоговение – все

⁶ Н. А. Вроцкий [А. А. Навроцкий], «Крещение Литвы. Историческая драма в пяти действиях», *Русская речь*, 1879, кн. IX, с. 13–14, 17, 75–76.

⁷ Вс. С. Соловьев, *Сочинения*, т. 1: *Княжна Острожская. Исторический роман XVI века*, С.-Петербург: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1887, с. 2, 10. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках.

литвины от Острога до самой Вильны не иначе называли его как *великим князем*». Объясняется это не только высоким происхождением рода, идущего «от Владимира Святого», славой предков, несметными богатствами и обширными владениями, но и приверженностью православию и русской народности. Князь озабочен подражанием полякам и немцам, их «непутным, разорительным модам», «полным равнодушием к вере, к старым литовским правам и вольностям», забвением «стародавних, дедовских нравов и обычаев», которыми «несокрушимо стояла Литва родимая». При общем падении нравов в его Остроге сохраняется «благочестие и строгие нравы» (2, 20, 70–71, 144).

По роману, в XVI в. «православие было в Литве господствующей народной религией», но повсеместно «царили совершенно языческие понятия и верования»: христианские праздники слились с языческими обрядами, почитались солнце и луна, подземные божества Баструки и их владыка Пушайтис; видя в церкви «вербу с повешенной на ней иконой, народ поклонялся и вербе и иконе», поскольку в вербу была превращена богиня Блинда (9–10). Автор акцентирует чуждость Польши, поляков, католичества Литве и «литовскому православию». На фоне острой религиозной борьбы выделяется мирное процветание столицы, обусловленное веротерпимостью Вильны:

Пришлец с запада, навидавший всяких ужасов, поражался неожиданной картиной: русские, поляки, литвины, греки, армяне, татары, евреи и немцы, представители самых различных вероисповеданий, не пи-

тали друг к другу никакой вражды, жили дружно и спокойно предавались своим занятиям (99).

Сложившееся у народа «самое ужасное представление» об иезуитах иллюстрируется романным действием. Беата, невестка Константина Острожского, под влиянием духовника итальянца иезуита Антонио Чеккино, «стала горячо ненавидеть русскую церковь, русские обряды, русское духовенство, всех православных людей»; гости теще ей казались «вражеским, варварским войском» (22–23). Иезуитский костел с таинственными подземельями в Вильне – зловещее место пыток и бесследного исчезновения опасных для иезуитов людей. В похищении и заточении Гальшки Острожской реализуется своеобразный вариант сюжета «литовской пленницы», перекликающийся с *Литвинкой* Лермонтова, *Альфом и Альдоной* Кукольника, *Грюнвальдским боем* Хрущова-Сокольников, *Литвой* Минцлова. Публицистичный финал⁸ утверждает вредоносность иезуитов для края, подчеркнуто называемого русским: они «в немногие годы погубили и обезличили целый прекрасный край русский, подчинили его дряхлой и больной Польше». Но иезуиты «исчезли с оскверненной ими земли русской»; исчезает и «зло, посеянное ими»:

В развалинах стоят монастыри их со всеми своими страшными тайнами, с цепями и грудами костей человеческих, разбросан-

⁸ М. П. Одесский, «“Над русской Вильной стародавней...”. Литва в “славянской” концепции Ф. И. Тютчева», *Антропология культуры. Вып. 3. К 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова*, Москва: Новое издательство, 2005, с. 204.

ных в подземельях. А на этих развалинах создается православная церковь и звучит русское слово (204).

В поэме Липкина *Пац и Нарей* (1886) пересказывается легенда о преступной страсти магната Паца к своей дочери и основании Пажайслисского монастыря. К важнейшим компонентам образа Литвы относятся прекрасная природа, нравы и быт «рыцарей-панов» с их охотами и пирами, воспоминания «про минувшие годы, / Про литовских князей, про походы, / Да про славу в кровавых боях» и «о рыцаре злом»⁹. Литва предстает католической страной (упоминания Рима, костела, буллы, воспитание Нарей «хитрым прелатом иезуитом», папский нунций на пиру, потрясенные преступлением вельможи папа и кардиналы), однако в прошлом: монастырь «нашею верою» давно «исторгнут» из-под «власти надменного Рима» (135–136).

Иноверие выступает профессиональным аспектом временной дистанции. Время действия отнесено в «далекие, древние годы, / Когда славой Литвин ликовал / И кичились литовские роды» (138). Литва с «литовскими гущами» (139), «литовским размашистым дубом» (156), «доблестью литовских мечей» (164), «счастьем литвина» (165) слита с польской цивилизацией («панский дворец», «костел», «корсажи разубранных пани», «рыцари-паны», «польской конницы пышный мундир»; 153, 157, 161, 162, 190), а *литвинка* Нарей

называется *панной*. Местный колорит создают описания замка грозного богатого Паца и именованя его рыцарем, упоминания дворца Гедимина и Ягелоннов, имен вельмож (князь Радзивилл, Сапеги «прославленный род, / Не один совершивший поход», «в кудрях поседелых Забелло, / На врагов ополчавшийся смело», «надменный сагтрап» и «княжеский раб» Потоцкий), застольные речи о тевтонах, «дерзком шведе», «краковских тайнах» и сечах, необычная одежда – кунтуши «в жемчужных кистях», «красота фантастичных жупанов», «узорные лагты» (138, 140, 162, 164). Атмосфера романтичности нагнетается эпитетами – *могучий, мрачный, угрюмый, чудный* и особенно настойчиво повторяемыми *тайный* («тайных знаков», «тайных писем», «тайные мучения», «тайная пытка», «тайная мука», также «докучливых тайн», «краковские тайны», «тайны», «полная тайны ночь», «будто тайну», трижды «тайно», дважды «потаенная дверь») и *таинственный* (трижды «таинственный сад», «таинственная ночь», «таинственный стук», «таинственно-глухо», пятикратно «таинственно»).

В историческом романе Г. А. Хрущова-Сокольниковца *Грюнвальдский бой, или Славяне и немцы* (1889; первый русский роман, переведенный на литовский язык¹⁰) к славянам, наряду с поляками и русскими, причислены «литовские славяне». Витовт и Ягайла названы славянскими князьями, цель Витовта – «освободить наши святыя славянские

⁹ [М.] Липкин, *Стихотворения*, Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1888, с. 136, 139. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках.

¹⁰ Р. Сидеравичюс, «Грюнвальдский бой и его автор», *Вильнюс*, 1994, № 4 (134), с. 18–23.

земли от позора немецкого ярма»¹¹. Близость литовцев и русских выражена упоминаниями браков Витовта с русскими княжнами, дружественных отношений Витовта с сыном великого князя московского Дмитрия и обручения Василия Дмитриевича с Софьей-Анастасией. Именование литовских князей и княжон с отчествами (Альдона Гедиминовна) и описание терема Скирмунды отсылают к представлениям о русской жизни. Конфликт Литвы с Москвою героям романа видится семейной ссорой (Литва и Русь – «братья родные, это не немцы крыжаки проклятые, побьются и помирятся»); ч. I, 36).

В романе русские ближе литовцам, чем также родственные им поляки; лицемерие, льстивость, заносчивость, расчетливость поляков говорят о деградации славянского характера и обособлении от славянского мира. Взаимную враждебность поляков и литовцев раскрывают эпизоды, характеристики и высказывания персонажей: «народного героя литовцев» Витовта польские паны недолголюбивают; пан Иосиф Седлецкий «среди мстительных и несговорчивых литвинов» и «необщительных с чужаками русских» чувствует себя «словно в неприятельской земле» (ч. I, 9); княжна Скирмунда «русского удалца» предпочитает мазовецкому князю. Примером ей служат тетушки, выданные замуж в Москву, а аргументом – то, что русские

Рюриковичи не худороднее «латинских заморышей» Пястовичей; Болеслав неприемлем также потому, что он «латинской веры» (ч. I, 36, 44). Дополнительные преимущества выбора Скирмунды формулирует сигонта (отшельник, как поясняет автор) Тренята: «[...] не сладко идти на чужую сторону к латынцам... Вот в Московию другое дело... Там твоей совести не неволят!» (ч. I, 47).

Ягайло и Витовт изображены христианами, не до конца отказавшимися от языческих суеверий. «Пламенный католик» Ягайло носит на себе коллекцию священных реликвий вместе с когтем льва и клювом ворона, которые должны оберегать от наговора и отравы (ч. I, 218–219). Родители Витовта «до конца жизни оставались самыми ревностными идолопоклонниками и покровителями религии отцов» и он, «воспитанный в их понятиях», став христианином, не отрешился вполне от язычества (ч. I, 25). Для него вера была «делом политики»: ища поддержки немецких рыцарей в конфликте с Ягайлой, он «принял крещение по католическому обряду», позднее, уступая Июлианин, перешел в православие, тем более, что он «сильно заискивал в своих новых подданных, по большей частью православных» (ч. I, 28).

Романная Литва населена язычниками литовцами и жмудинами, поляками «латинской веры», православными русскими, караимами «веры еврейской» и мусульманами татарами. Витовт в свои дружины принимал «без разбора национальностей и поляков, и литвинов, и русских», а в татарах видел «верных слуг, добрых воинов» (ч. I, 7, 25). Литов-

¹¹ Г. А. Хрущов-Сокольников, *Грюнвальдский бой, или Славяне и немцы: Исторический роман-хроника*, С.-Петербург: В. В. Комаров, 1889, ч. I, с. 182, 211, 152. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием части и страницы в скобках.

цев, при близости к русским, отличается своеобразная культура. Знаками ее выступают необычные имена (криве-кривейто Лидутко, князь Видомир, боярин Клавигаила, кормилица Германда) и подчеркнута экзотичные элементы социальной структуры, языческого культа, бытовой культуры: князя кунигасы, «первосвященник литвинов криве-кривейто» со знаком власти кривулей в руке, идол Перкунаса в пещере сигонты, «священное изображение Прауримы» во дворце князя Эйрагольского, «литовские весталки» вайделотки, «литовский Аполлон» Сатварос, «Геркулес литовской мифологии» Альцис, «золотой алус», и т. п. Часть имен, описаний реалий, отдельных сцен заимствована из романа Н. В. Кукольника *Альф и Альдона* (1842).

Существенный компонент своеобразия Литвы составляет дикость. Сыновья воеводы Стрыся – неразговорчивые и косноязычные «дикари от рождения» с глазами, в которых нет ничего, «кроме дикости и безграничного упрямства» (ч. I, 162–174). На войну с крестоносцами из недоступных дебрей вышли «удивительные дикари» во главе с кунигасом «диких обитателей лесов» Одомаром – «обросшие волосами гиганты» с лицами, «на которых трудно было уловить даже искру чего-то похожего на общечеловеческие чувства», одетые в «звериные шкуры, накинутае прямо на голову», и вооруженные дубинами, с грубым и бедным «гортанным хриплым наречием» (ч. I, 248–250). Накануне боя «дикие орды лесных обитателей» под удары мечей о щиты и звуки бубнов

поют «дикие песни, скорее похожие на вой волков», а в бой вступают как «звери, бросающиеся на добычу» (ч. II, 107, 121).¹²

В поэме Липкина *Кейстут и Бирута* «величье прошлого» «прославленной Литвы», когда «лаврами венчал чело свое литвин», связано с пирами («звон заздравных чаш и кубков, медом полных») и военным могуществом («победный клик», «лязг стальных мечей», «гулкий стук щитов», «ржание коней») знаменитых князей («доблестный Витовт», «славный Гедимин», «могучий Кейстут»). Кроме того, это – экзотичный мир языческих верований и народных преданий. В поэму и многочисленные примечания включены сюжеты о божестве предопределения Промжинасе, боге моря Дивевитисе, чельтицах («род греческих сирен»), о возлюбленной Жалтиса, бога озера, Егли, превратившейся в ель, певце Дайнасе, превратившемся в соловья, Блинде, превращенной в вербу, версия о скандинавском происхождении первых литовских кунигасов (Палемон, Рингольд, Витольд, Миндовг, Едиман), описания храма Праурны, супруги Перкуна, в Полангене с поддерживаемым вайделотками вечным огнем Зничем¹³.

Экспозиционные строки главы под названием «Вильна» в поэме А. В. Жиркевича *Картинки детства* дают мрачные картины героического, но и жестокого прошлого, когда язычество («капище»,

¹² Детальнее см.: П. Лавринец, «Средневековая Литва в романе Г. А. Хрущова-Сокольниковца *Грюнвальдский бой*», с. 111–112.

¹³ М. Липкин, «Кейстут и Бирута. Литовская быль из XIV века», *Вестник Европы*, 1890, кн. 4, с. 739–743.

«жертвы в мрачном храме», «Знич неуга-симый», «грубые алтари») освящало во-инственную мощь державы («твердынь и грозных рвов», «камни неприступных стен», «силы грубой меч») безжалостных и суровых литвинов. Сравнимые со зверями, они совершают набеги «за пределы / Соседних стран», откуда приводили «в позорный плен» рабов. Однако «образ строгий и кровавый» «старины ужасной» и «зверства этих мест» по-своему привлекателен: «сум-рак угрюмый» жестокого язычества своей героиней («Звук богатырский древних сеч, / Свободы радостная речь!...») и экзотичностью питает детские фантазии героя¹⁴.

Поэма А. А. Коринфского *Ягелло и Витовт* отнесена автором к «бывальщинам», историческим поэмам по мотивам преимущественно русской истории и фольклора. Она вошла в книгу *Поздние огни*, куда включены также поэмы *Патриарх Гермоген* о сопротивлении нашествию Польши и Литвы, несущему «латинство», и *Смоленское сидение*, в которой действуют Лев Сапега и «круль польский и литовский» Жигимонт. В поэме *Ягелло и Витовт* Литва окружена врагами («льстивый лях», швед, «хитрый немец, / Охочий до литовских городов!»). Заглавные герои контрастно противопоставлены: самолюбивый Ягелло стремится к власти, не брезгуя никакими средствами (убийство Кейстута, подчинение Скиргелло, плен Витовта, союз с «ливонским

немцем»), и оказывается «предателем народа своего»; «орел Литвы» Витовт изображен патриотом, любимым народом. Пленение Витовта вызвало одинаковую реакцию Литвы и Руси («Литва в печали, Русь склонила вежды»); одно из последствий вступления «лютого насильника» Ягелло на польский трон – захват католической церковью православных храмов:

В Литве от войск коронных нет проходу;
По городам – наместники сидят,
Чиня свой суд литовскому народу;
Ксендзы в костелы церкви все святят...¹⁵

Витовта ценой своей жизни освобождает «дочь Литвы» Елены, верная служанка княгини Анны. Литва, таким образом, рисуется страной контрастно ярких характеров, крайне отрицательных и предельно самоотверженных. Это край православный, чуждый католической цивилизации, и арена борьбы «за вольности родимой стороны» с внешними врагами; она охватывает широкое пространство («Литва и Русь – до ляхских меж Волины») с центром в Вильне и включает Жмудь, Троки, Гродно, Криво, Слоним, Брест, Плоцк.

В негативной оценке властолюбивого Ягайлы в исторической поэме Максима Липкина *Ягайло* (1905) подчеркивается измена вере предков. Соответственно местный колорит создается густым слоем реалий языческой культуры: священный огонь (Знич Перкунов), священные дубы и курганы, старый мельник – ве-

¹⁴ А. Нивин [А. В. Жиркевич], *Картинки детства. Поэма*, С.-Петербург: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1890, с. 167–169.

¹⁵ Аполлон Коринфский, *Поздние огни. Стихотворения 1908 – 1911 гг.*, С.-Петербург: издание А. А. Филиппова, тип. Министерства путей сообщения, 1912, с. 506–507.

щий сейтон (колдун), он же лабдарис и «певец надгробных песен» бурдинигас, почитаемый «в Литве полудикой» пророком, надгробная песня кваса, праздники Розы, Вайжганта, Хаутурей, Деда, почитание ужей, руты, боги плодородия Атримос, предопределения Промжинас, дома Нумеяс, наводнения Тванай, богини неба Лайма, богиня Мильда и другие божества, также Егли и Жалтис, медведь Балтрас, кукушка Гегуза, предания о которых приводятся в примечаниях. Экзотичность акцентируют фантастические сведения в примечаниях о том, что кумыс был любимым напитком литовцев («что доказывает их восточное происхождение»), что литовцы в древности «на манер краснокожих американцев убивали старух и стариков в тяжелые дни общественной жизни»¹⁶.

Другие аспекты экзотичности создают необычные имена многочисленных князей, начиная с легендарных, по повторяемой Липкиным версии, скандинавских кунигасов (Рингольд, Витольд, Миндовг, Палемон, Едиман, т. е. Гедимин), и перипетии бурной средневековой истории: похищение Бируты Кейстутом, казнь Войдыллы, убийство Ягайлой в подземелье замка Крево Кейстута, союз Ягайлы с Мамаем, междоусобная борьба Витольда и Ягайлы. Упоминания Дмитрия Донского, «русских мечей» (среди возможных угроз, наряду с «мечами Валленрода» и «стрелами ненавистного хана»), готовности Москвы поддержать Витольда, многократные

упоминания Юлианы Тверской («великая умом Юлиана», «мать Юлиана», «Творец Юлианы»; шесть раз Витольд перифрастически назван «сыном Юлианы») едва намечают присутствие русского элемента. Брак литовского князя и польской королевы, крещение Литвы изображаются как порабощение Литвы, нашествие «чуждых пришельцев», уничтожение веры отцов и «великое горе», «гибель отчизны», смерть. В песне четвертой под заглавием «Король Владислав» роскошные одеяния «царя литовского», Ядвиги и их свиты контрастируют с «убогим нарядом» «жителей бедной Литвы»¹⁷. «Потомок Немона», «правнук Миндовга», «внук Гедимины» Ягайло представлен коварным и тщеславным правителем, равнодушным к своему народу врагом собственной страны, за корону продавшим родину «в рабство магнату». Главные противники Ягайло – Паята, юная прекрасная жрица Праурны, и крево-кревейто Лидзейко, «последний носитель / Воли Перуна» и «гордый защитник народа».

Созданные в начале XX в. исторические повести на темы литовской истории *В лесах Литвы* (1905) и *На крестах* (1906) С. Р. Минцлова выдержали несколько переизданий, также в виде одной книги под общим заглавием *Литва* (Санкт-Петербург, 1911) и *Лесная быль* (Рига, 1927). У Минцлова Литва XIV в. – край непроходимых диких лесов, полных зверями (белки, бобры, волки, зубры, дикие кони, лоси, медведи, олени,

¹⁶ Максим Липкин, *Ягайло. Историческая поэма из времен XIV столетия*, Вильна: Тип. Д. Новогрудского, 1905, с. 3, 8.

¹⁷ Там же, с. 9.

рыси, серны, туры), и редких городов с замками (Вильно, Крево, Паланга, Троки), заселенный людьми с необычными именами (Войшелк, Любарт, Миндовг, Оллита, Ромунт, Тетвил, Шварн), с особым образом жизни и нравами, верой и языком. Литовцы «почти все» «высокие, белокурые», одеваются «в звериные шкуры шерстью вверх или в серые кафтаны»¹⁸, живут в нумаях из елового леса на дубовых сваях, пьют, обычно из рогов, алюс («медвяное пиво»), паскайлес («крепкий мед»), черное молоко (кумыс), песни поют под аккомпанемент канклис. Среди них выделяются бояре байорасы, сельские старшины виршайтосы, удельные князьки кунига-сы, жрицы вайделотки, жрецы швальгоны, тилуссоны, лингуссоны, вайделоты, вайделоты-судьи кривуле, гадатели жвакопы, певцы брутанники. Экипировку и вооружение воинов полангенского кунигаса составляют «короткие тулупы и остроконечные волчьи шлыки на головах», «звериные шкуры» на плечах, длинные топоры и луки, копья, у некоторых сабли, у большинства дубины с толстыми комлями на нижних концах (8, 232); однако в Трокском замке Кейстута имеются пушки и крепостные ружья. Ценное оружие добывается в боях с немцами и русскими; «любимец Литвы, светлый князь» Кейстут водит походы «на Русь, на Польшу и на татар»; Ягайло взял Вильно, воспользовавшись тем, что «князь Кейстут ушел на Русь» (при

¹⁸ С. Р. Минцлов, *Литва. Исторические повести с иллюстрациями*, С.-Петербург: Издание К. Н. Кособрухова, 1911, с. 8. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках.

этом «владения Литвы простирались до какого-то неизвестного никому Черного моря»; 260, 223, 244, 112). Главный враг литовцев – немецкие рыцари, от кровопролитных грабительских *рейзов* которых они вынуждены защищаться.

Литовский язык, по Минцлову, напоминает латинский; в речи персонажей и примечаниях приводится свыше двух десятков слов и выражений, например, *вандо* «вода», *гудас* «чужестранец», *жемя* «земля», *жмогус* «человек», *капай* «кладбище», *ленкос* «поляк», *нактис* «ночь». Литовцы исповедуют язычество с богатым пантеоном (бог войны Кавас, вседержитель Оккапирмос, бог смерти, болезней и поземного мира Поклюс, бог силы и плодородия Потримпос, бог пьянства и веселья Рагутис, самая злая из семи литовских парок Гадютая, «литовская Венера» Мильда, богиня охоты Медзиозийма, злые Лаумы), верят в предопределение и приметы, почитают священные дубы и леса. Язычество жестоко, оно требует человеческих жертвоприношений; жрецы суровы, коварны и мстительны.

В году у литовцев тринадцать месяцев; пятница, день Перкуна, считается удачным днем. Литовцы совершают своеобразные свадебные и похоронные обряды, отмечают праздник роз (сходный «с нашим Купалой») и Хаутурей (праздник поминовения усопших), руту, майоран и биун (пион) наделяют своеобразной символикой. Гость для них – «священное лицо», разбой и воровство им неизвестны, они славятся гостеприимством и любовью к пирам и музыке; «простота и добродушие честных литвинов» про-

тивопоставлены испорченным нравам жестоких, лживых, корыстолюбивых немецких рыцарей. Распушенные, своевольные немецкие рыцари «несут крест на мече и велят любить его», но где они пройдут, «там смерть и несчастье». Однако «проклятая немецкая вера» неизбежно должна сменить старую веру, с которой «деды жили мирно и счастливо» (230, 154), потому что такова воля богов и это предсказал Лездейко. Восточное христианство в романе не упомянуто; среди действующих лиц нет православных и русичей, за исключением, возможно, трокского каштеляна боярина Григория Омучича.

Кейстут, «наш князь», маркирован положительно; княжич Витовт упоминается эпизодически и главным образом для того, чтобы оттенить лицемерие и коварство «злого щенка» Ягайлы. Происхождение, родственные связи и статус Ягайло не обозначены, а Бейрута, жена Кейстута, предсказывает, что «быть худу Литве от Ягайлы». Он предстает иноземным агрессором, который «обошел Витовта своей мнимой дружбой», при поддержке немецкого отряда, поляков и жмудинов-ягайловцев «ночью захватил Вильно», затем осадил Троки, позднее схватил Кейстута, вскоре убитого по его приказу (236–325). «День смерти Кейстута» стал «днем смерти старой Литвы»: когда умер «могучий столб, поддерживавший ее», Литва пала, «поглощенная под властью Ягайлы Польшею»; «пало и язычество перед распятым на кресте» (346).

Подводя краткие итоги, необходимо отметить, что рассмотренные произведе-

ния воспроизводили унаследованные от романтизма краски в изображении характеров князей, вельмож, полководцев, жрецов, экзотичной языческой культуры, воинственности и дикости древних литовцев. Такую устойчивость доминантных мотивов определяли жанровые особенности драм, поэм, повестей и романов о прошлом, отличном от настоящего. Постоянство мотивов не исключало использования частных сведений, почерпнутых из вновь появлявшихся трудов историков, популярных очерков, учебных пособий.

Образ Литвы в произведениях русских писателей включает в себя мотивы воинственной державы и языческой культуры, маркированные отрицательно (Соловьев, Жиркевич) или положительно (Навроцкий, Липкин), и ярко выраженной экзотичностью непривычных имен и топонимов, странных и таинственных обычаев. Специфичность социальной организации, профессиональных и культурно-бытовых отличий Литвы усиливают такие взаимосвязанные черты, как убогость быта и бедность древних литовцев, близость к природе, низкий уровень цивилизационного развития, простота и непосредственность чувств и, вместе с тем, неиспорченность нравов, – оборотная сторона неразвитости.

Помимо экзотического *чуждого* литовского язычества в образе Литвы присутствует *чуждое* польского католического начала, подчеркнуто чуждого, иноземного, привнесенного с Запада (факкультативным и второстепенным компонентом в некоторых произведениях

выступает также еврейский, татарский и иные элементы). *Чужое* католичества и польской культуры предстает враждебным началом в текстах с полемическим акцентированием *своего*, русского православного характера Литвы, появившихся с конца 1860-х гг. В такой системе оппозиций Ягайло закономерно оказывался контрастно противопоставленным Витовту. Литва XIV–XVI вв. представляется эпохой незаурядных характеров, глубоких страстей и ярких происшествий (побеги, похищения, заговоры, убийства), междоусобной борьбы и героического противостояния литовцев крестоносцам, часто при участии русских, и межконфессиональной борьбы (язычества и католичества, католичества и православия). В романе Хрущова-Сокольников и поэме Коринфского история ВКЛ переплетается с историей русских земель; у Соловьева Литва и вовсе Литовская Русь. Поэма Коринфского и роман Соловьева основаны на той же идеологеме, которая стоит и за стихотворением Ф. И. Тютчева «Над русской Вильной стародавней...»; согласно ей, расцвет православного литовско-русского государства сменился деградацией при губительном господстве польского католичества, а упразднение унии и деятельность М. Н. Муравьева восстановили первоначальное благодатное состояние¹⁹.

¹⁹ См. Р. Лейбов, 1) «Стихотворение Тютчева и Русская Вильна А. Н. Муравьева», *В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Сб. статей*, ред. Е. Пермяков, Тарту: Тартуский университет, 1992, с. 144–147; 2) «*Лирический фрагмент*» Тютчева: *жанр и контекст*, Тарту: Tartu Ülikoli Kirjastus, 1999 (Dissertationes philologiae Slavicae Universitatis Tar-

tuensis, 7), с. 61–67; М. П. Одесский, 1) «“Над русской Вильной стародавней...” Литва в “славянской” концепции Ф. И. Тютчева», с. 198–200; 2) «От “Как дочь родную на закланье...” к “Над русской Вильной стародавней...” Литва в историсофии Ф. И. Тютчева», *Балтийские перекрестки: этнос, конфессия, миф*, ред. колл. М. В. Завьялова, Н. Н. Казанский, Т. В. Цивьян, С.-Петербург: Наука, с. 351–366.

Дополнительное своеобразие древней Литве (где «вольны девы», по *Литвинке*, в частности, в выборе спутника жизни и в готовности заместить мужчи-

жизни и в готовности заместить мужчи-

ну в сражении) придает мотив особого типа литовской женщины (обязанный прежде всего *Гражине* Мицкевича) и его трансформации в сильных женских характерах (Нарея поэмы Липкина, Елена поэмы Коринфского, Оллита романа Мицлова). Женский персонаж, наряду с народным певцом, наделяется функцией носителя патриотического сознания (Паята Липкина, Скирмунда Хрущова-Сокольникова). Любовь к родине и своему народу, ненависть к врагам в Скирмунде сочетается с верностью чувству, простирающейся до дочернего непослушания; чтобы избежать брака, по воле отца, с нелюбимым, она дала обет вайделотки, но затем соглашается бежать с возлюбленным христианином. Очевидны ближайшие параллели с Пятой Навроцкой, из любви отказавшейся от веры предков и бежавшей с христианином, и Оллитой Минцлова, давшей обет вайделотки, чтобы не идти замуж за нелюбимого кунигаса, но затем бежавшей с возлюбленным рыцарем.

Жанрам исторической драмы, поэмы, повести и романа присуще время с особым характером замкнутого прошлого, отделенного от настоящего акцентированной дистанцией. Оно привязано к географически и исторически конкретной части пространства и истории – к эпизоду или периоду истории, не имеющему продолжения в настоящем. Безвозвратность прошлого и временную дистанцию подчеркивают перемены, выраженные специфическими формулами. Один из типов таких формул акцентирует необратимость перемен, в которых прошлое исчезает бесследно:

от замка Паца «и следа / В наши дни не осталось»²⁰. Другой тип актуализации временной дистанции образует сопоставление одних и тех же топографических объектов в стародавние времена и в современности; иногда подобные сведения вынесены в построчные примечания. Бывшее безвозвратно минуло и полностью замещено настоящим и его новыми реалиями – костелом на месте языческого храма, сквером на месте долины Свенторога, знакомой Вилией на месте экзотической Нергиз.

Современное состояние рисуется нормальным и обыденным. В финале романа Соловьева, в поэме Жиркевича противопоставление современного состояния прошлому дается вполне эксплицитно, менее развернуто – в поэме Липкина *Кейстут и Бирута*; вытекая из самой жанровой конвенции, оно может и не выражаться текстуально. Посредником между настоящим и событиями прошлого может выступить поэт, излагающий услышанное предание, как в поэме Липкина *Пац и Нарей*; в поэме Липкина *Ягайло* лишь поэт способен заключить «в струны певучие» тайну, если курганы («гробницы нетленные») – «вековые свидетели» древности откроют ему «думы свои вдохновенные». Картины прошлого в поэмах Липкина *Пац и Нарей*, *Кейстут и Бирута*, в поэме Жиркевича *Картинки детства* возникают в воображении поэтов, навеянные молчаливыми руинами – свидетелями и хранителями седой старины. Настоящее может вызвать воспоминание о

²⁰ [М.] Липкин, *Стихотворения*, с. 139.

прошлом, но не само прошлое. Древняя Литва оставлена в давно состоявшемся и безвозвратном прошлом; литовская тематика раскрывается исключительно как тематика не подлежащей актуали-

зации экзотичной древности и давних конфессиональных конфликтов, окончательно и бесповоротно разрешенных в пользу христианства, специально – восточного христианства.

LIETUVA XIX A. PABAIGOS – XX A. PRADŽIOS RUSŲ LITERATŪROJE

Pavel Lavrinec

S a n t r a u k a

Straipsnyje nagrinėjama mažai ištirta lietuvių ir LDK istorijos įvykių bei veikėjų vaizdavimo dėsningumus rusų rašytojų dramos, poezijos ir prozos kūrinuose tema, taip pat Lietuvos temos rusų literatūroje sąsajos su viešpatuojančia carinėje Rusijoje ideologija, oficialia istoriografija bei romantizmo estetika. XIV–XVII a. Lietuva vaizduojama G. Chruščiovo-Sokolnikovo, S. Minclovo, V. Solovjovo romanuose, A. Navrockio eiliuotose dramose, A. Korinskio, M. Lipkino, A. Žirkevičiaus poemose kaip svetimas egzotiškas kraštas, savito gyvenimo būdo, ypatingo pagoniškojo tikėjimo, specifinės socialinės struktūros šalis. Viduramžių Lietuvos egzotiškumą akcentuoja žmonių ir dievų vardai, svetimkalbiai vietovardžiai ir realiųjų pavadinimai. Mūšiai ir pilių užpuolimai, keisti papročiai ir mįslingos apeigos, avantiūriniai pabėgimai, klastingi pagrobimai, žynių intrigos susideda į įspūdingą tolimos praeities vaizdą. Rusų literatūroje ypatingas dėmesys skiriamas herojiškiems

kovų su kryžiuočiais laikams, to meto įvykiams ir valdovams nuo Gedimino iki Vytauto. Lietuvos valdovai siejami giminystės ryšiais su rusų kunigaikščiais, Lietuva ir ypač sostinė vaizduojamos gausiai apgyvendintos rusų ir buvusios stiprioje stačiatikių kultūros įtakoje. Svarbus rusų rašytojams lietuvių istorijos laikotarpis yra Lietuvos krikštas, vertinamas kaip protėvių tikėjimo atsižadėjimas, kultūrinio tapatumo ir politinio savarankiškumo praradimas bei priešiškos lenkų civilizacijos įsigalėjimas. Kurdami daiktišką senovės Lietuvos paveikslą, rusų rašytojai naudojo daugeliu įprastų „senovės“ kolorito detalių: lietuvius aprengė kailiais, žemaičius apginklavo kuokomis, pavaizdavo kraštą gausiai apaugusį miškais su šventomis giriomis ir fantastiškoms šventyklomis. Senovės lietuvių vaizdavimas vos ne laukiniais sieja egzotiškumą su artumu gamtai, gyvenimo paprastumu, jausmų natūralumu, kartu pabrėžiant istorinę distanciją.

Получено: 2009, август

Принято: 2009, сентябрь

Адрес автора:

Vilniaus universitetas

Rusų filologijos katedra

Universiteto g. 5

LT-01513 Vilnius Lietuva

E-mail: Pavel.Lavrinec@flf.vu.lt